

Слово молодым политологам

УДК 323.212:316.324.8

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Л.А. Рыжлова

Саратовский государственный университет
E-mail: optimis.ya@mail.ru

Статья посвящена исследованию экспертного обеспечения процесса принятия политических решений в контексте концепции информационного общества, ставшей отражением качественно нового этапа общественного развития. Особое внимание уделено анализу сущности политической экспертизы, самой личности эксперта, а также его взаимоотношениям с политиками.

Ключевые слова: информационное общество, экспертиза, политический процесс.

Political Examination in the Context of the Information Society's Conception

L.A. Rykhllova

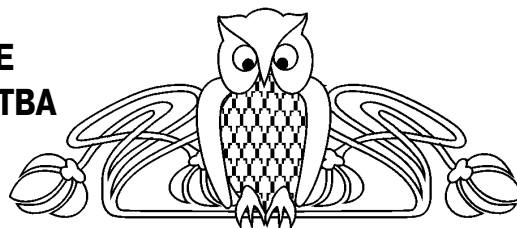
The paper discusses expert maintenance of process of acceptance of political decisions in a context of the information society's concept, which have become the reflexion of qualitatively new stage of social development. Special attention is paid to the analysis of essence of the political examination, the person of the expert, and also its mutual relations with politicians.

Key words: information society, examination, political process.

Еще в середине прошлого столетия появились первые предпосылки формирования концепции информационного общества. Научно-техническая революция, результатом которой стало стремительное развитие электронно-вычислительной техники, ознаменовала собой начало глубинной перестройки основ мировой цивилизации. Проблема существования человечества в компьютеризированном, технологизированном мире и послужила толчком для появления концепции информационного общества.

Многие исследователи, разрабатывающие концепцию информационного общества, неразрывно связывают его развитие с процессами демократизации политической системы. Однако, на наш взгляд, информатизация как один из элементов развития информационного общества не обязательно ведет к изменениям в политической системе, демократизации и развитию институтов политической экспертизы, в частности. Кроме того, многое зависит от конкретных общественно-политических условий, в которых протекают процессы информатизации.

Чтобы разобраться в данной проблеме, для начала обратимся к концепции информационного общества.

Существует большое количество подходов к определению информационного общества. В соответствии с широко распространенной теорией общественного развития историю человечества принято разделять на стадии по способу производства. Согласно данному подходу выделяют три типа общества: аграрное, индустриальное и постиндустриальное.

Информационное общество некоторые исследователи определяют заключительной стадией постиндустриального общества, другие выделяют его в качестве отдельного этапа, следующей ступени общественно-экономического развития. На наш взгляд, информационное общество следует анализировать как одну из концепций постиндустриального общества. Соответственно эти понятия мы будем использовать в качестве синонимов.

Несмотря на то что нет общепринятого определения понятия информационного общества, большинство исследователей признают, что существование данной концепции имеет под собой весомое основание.

Информационное общество – это общество, где основным продуктом производства является информация, знания. Если на предыдущей стадии общественно-экономического развития человечества, в индустриальном обществе, главным ресурсом является капитал, то в постиндустриальном обществе информация и знания одновременно выступают в качестве основного ресурса и продукта.

В современном мире могущество отдельного государства измеряется теперь не только военной и экономической мощью. Важнейшее значение приобретает информационный потенциал общества. Знания, информация во многих областях считаются едва ли не более сильной валютой, чем деньги.

Другими словами, информация на современном этапе мирового развития превратилась в один из наиболее важных и мощных факторов общественно-экономического и политического развития.

Многие исследователи в определении информационного общества исходят из того, что первичным показателем движения к нему является повсеместное развитие информационных компьютерных технологий. Безусловно, «возрастание доли информационных коммуникаций, продуктов

и услуг в валовом внутреннем продукте, создание глобального информационного пространства, эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам»¹ являются отличительными чертами развитого информационного общества. Однако с политологической точки зрения нас больше интересует общественно-политическая структура постиндустриального общества, которое можно также назвать обществом, основанным на знаниях.

В соответствии с идеями Д. Белла, которого многие считают основоположником концепции информационного общества, осевым принципом построения общества, основанного на знаниях, является центральное положение теоретическое знания как оси, вокруг которой организованы новая технология, экономический рост и социальная структура общества. Центральными институтами в информационном обществе выступают университеты и исследовательские центры, где такое знание формируется².

Увеличение числа учреждений и людей, производящих знания, таким образом, тоже является признаком развития информационного общества.

В данном контексте следует обратиться к анализу экспертного знания и его носителей как важной составной части концепции информационного общества, нашедшей отражение в большинстве современных теорий.

Д. Белл в своей концепции, исследуя социальную структуру постиндустриального общества, большое значение придает экспертам, владеющим теоретическим знанием³.

Ф. Уэбстер в своих размышлениях указывает на значимость участия в процессе принятия политических решений экспертов, способных построить теоретическую модель, предусматривающую все возможные последствия того или иного сценария развития событий⁴. Особенно важен институт экспертизы именно в политической сфере, где решения, имеющие глобальное значение, зачастую не отличаются дальновидностью.

Другой теоретик информационного общества М. Кастельс, исследуя его общественно-политическое устройство, подчеркивает, что «за функционирование капитализма» теперь несет ответственность «экспертный информационный труд»⁵. И это новая социальная группа становится в обществе ключевой.

В этой связи интересной также представляется разделяемая в общих чертах М. Кастельсом идея Р. Райха о «символических аналитиках», основанная на тезисе о наличии «глобальных сетей» и «глобальной паутины»⁶.

В рамках так называемой «глобальной сети» эксперты – это хорошо образованные и квалифицированные люди, которые не имеют прямого отношения к управлению, их не интересуют бюрократические тонкости. Их интерес и внимание привлекает в первую очередь проект, над которым они работают, независимо от заказчика.

В соответствии с концепцией автора неотъемлемой характеристикой эксперта являются нравственные принципы, ориентированные на объективность, независимость, беспристрастность, поиск оптимального варианта решения поставленной задачи. Гарантируется моральный аспект по большей мере принадлежностью к так называемой «глобальной сети», сообществу коллег, работающих по всему миру.

Концепция информационного общества находит свое отражение и в трудах российских ученых, в которых также большое значение придается так называемым производителям знания, к их числу относятся эксперты.

Так, например, О.Н. Бочарова, раскрывая сущность постиндустриальной экономики, дает свое определение обществу, основанному на знаниях. В соответствии с ее идеей это прежде всего такое общество, в котором социальное и экономическое развитие страны детерминировано наукоемкими технологиями, инновационной направленностью и уровнем интеллектуального развития⁷.

В информационном обществе складывается совершенно иная социальная структура. Стратификация социума происходит уже не на основе владения материальной собственностью, а по критерию обладания информацией, знаниями или доступа к ним.

В обществе, основанном на знании, образуется новая социальная группа – производители знания⁸, появление которой является основой для формирования своеобразной системы управления.

Происходит генерирование новой интеллектуальной технологии, применение которой становится важнейшим элементом процесса принятия политических решений. Используя новейшие математические методы, основанные на компьютерном линейном программировании (цепях Маркова), становится возможным активное применение моделирования, разработки сценариев, системного анализа для выявления оптимальных способов разрешения общественно значимых проблем⁹. Эксперты, занятые в этих процессах, приобретают все большее значение в обществе, построенном на знании.

Эксперты – производители знания в информационном обществе. В контексте общественного развития они приходят на смену интеллектуалу-универсалу. Специалист в конкретной области становится более востребован, нежели всесторонне развитый интеллектуал, не имеющий узкой специализации.

Особую роль в жизни общества производители специализированного знания приобретают, включаясь в процесс принятия политических решений посредством их экспертного обеспечения.

В данном контексте большое значение приобретает экспертиза, которая в первую очередь направлена на выявление гуманитарных послед-

ствий принимаемых решений. Ее можно определить как гуманитарную экспертизу, через которую и происходит включение производителей знания в политический процесс.

Существуют некие общепринятые требования, предъявляемые к экспертному обеспечению процесса принятия политических решений. Оно должно носить «комплексный и междисциплинарный характер, интегративно соотносящий и сводящий воедино психологические, этические, культурологические, социальные, политические аспекты»¹⁰.

Экспертиза как процесс включает в себя следующие этапы: диагностика, интерпретация, прогноз, рекомендации. В процессе принятия политических решений она носит прогностно-проективный характер. Первоочередная задача экспертизы – сформулировать оптимальный вариант решения проблемы с учетом возможных последствий.

Однако следует подчеркнуть, что все вышперечисленные характеристики экспертного обеспечения процесса принятия политических решений в контексте концепции информационного общества вряд ли мы встретим в реальной политической практике. Человеческий фактор, неотъемлемо присутствующий в процессе экспертного обеспечения политики, вносит свои коррективы. Перед каждым экспертом изначально стоит выбор между объективностью и независимостью и экономической выгодой. В современных условиях, когда знание воспринимается как товар, происходит меркантилизация знания, эта проблема становится особенно актуальной. Кроме того, меняется критерий измерения ценности знания, которая теперь все чаще определяется не его истинностью, а практической значимостью, перформативностью¹¹.

В данном контексте уделить внимание следует и проблемам взаимоотношений эксперт–политик, которые связаны с тем, что у них принципиально разные функции и мера ответственности.

Главная задача эксперта, прежде всего, четко изложить свое понимание анализируемой ситуации, а затем сформулировать варианты ее решения и свои предложения, либо рекомендации. Причем эксперт всегда свободен в своих суждениях. На нем не лежит ответственность за принимаемые решения. В худшем случае он рискует потерять репутацию грамотного специалиста, однако эксперт всегда имеет право на ошибку. Профессия политика же предполагает умение принимать взвешенные политические решения, учитывающие все обстоятельства. При этом, в отличие от экспертов, политики несут полную ответственность за принимаемые решения и права на ошибку не имеют.

Осложняет процесс принятия политических решений еще и тот факт, что свои рекомендации политикам направляют множество экспертов. Причем их сценарии развития событий могут

быть совершенно разными, зачастую противоположными. Политик, оказываясь перед выбором, из множества различных предложений и рекомендаций, к сожалению, далеко не всегда делает оптимальный выбор. Часто бывает так, что чиновники изначально выбирают из поступающих от экспертов рекомендаций те предложения, которые им больше импонируют и подтверждают их собственный вариант решения проблемы, выбранный еще до проведения экспертизы¹².

Смысл экспертной деятельности заключается в формировании общего коммуникационного поля, где постепенно может выкристаллизоваться общее понимание ключевых проблем¹³.

Таким образом, информационное общество стало одной из концепций, используемых для описания качественно нового этапа общественного развития.

Говорить о том, что все человечество уже вступило в новую эпоху информационного общества, безусловно, не приходится. В соответствии с вышеназванными характеристиками лишь некоторые развитые страны можно условно отнести к таковым.

Анализируя общественно-экономическое развитие российского общества, можно прийти к выводу, что мы находимся еще где-то на стадии индустриального общества. Можно отметить процесс активного роста рыночных структур, характерный для данного этапа.

Процессы информатизации и компьютеризации в той или иной степени свойственны и для России. Однако, на наш взгляд, информатизация не является гарантией перехода к информационному обществу со всеми его атрибутами в соответствии с идеями вышеназванных авторов. Другими словами, распространение информационных компьютерных технологий в обществе не означает параллельного развития сферы публичной политики, в частности политической экспертизы.

Россия может занять достойное место в ряду стран-производителей интеллектуального продукта, несмотря на значительные потери, связанные с институциональной неразберихой последнего десятилетия, длительным отсутствием законодательства по защите интеллектуальной собственности и «утечкой умов». Однако экстраполяция институтов экспертного обеспечения политики с западных образцов вряд ли даст положительные результаты, тем более что и в западном экспертном сообществе существуют свои противоречия, о которых не стоит забывать, заимствуя их институциональные образцы.

Примечания

¹ Бочарова О.Н. Сущность построения постиндустриальной экономики // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 8. С. 317.

- 2 См.: Фомина В.Н. Белл Даниэл // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 89.
- 3 См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 374.
- 4 См.: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 74.
- 5 Там же. С. 148.
- 6 Там же. С. 125.
- 7 См.: Бочарова О.Н. Указ. соч. С. 316.
- 8 См.: Еляков А. Современное информационное общество // Высшее образование в России. 2001. № 4. С. 80.
- 9 Там же. С. 79.
- 10 Тульчинский Г.Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Вестн. Челяб. гос. академии культуры и искусств. 2008. № 4 (16). С. 47.
- 11 См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.; СПб., 1998. С. 160.
- 12 См.: Загорский А. Экспертное сообщество и внешнеполитический истеблишмент // Pro et Contra. 2003. Т. 8, № 2. С. 12.
- 13 См.: Макарычев А. Проектные сети, трансферт знаний и идея «обучающегося региона» // Там же. С. 41.

УДК [355+323] (470+571)

СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д.Е. Петров

Саратовский государственный университет
E-mail: petrovdimas33622@mail.ru

В данной статье рассматривается роль силовых структур в публичной политике современной России. Автор последовательно анализирует ключевые составляющие публичного политического статуса «силовиков» и делает вывод о значимости силовых структур в политических процессах в стране.

Ключевые слова: силовые структуры, силовики, публичная политика.

Powers Structures and Public Policy in Modern Russia

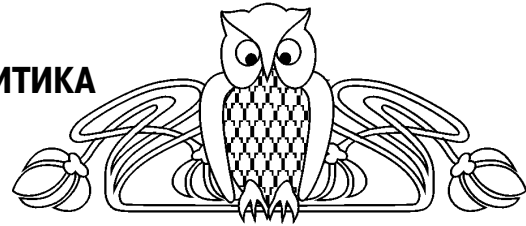
D.E. Petrov

This article discusses the role of the power structures in the public policy of modern Russia. The author successively examines the key components of public political status of «siloviks» and concludes on the importance of power structures in Russia's political process.

Key words: power structures, siloviks, public policy.

Политическое влияние силовых структур сегодня продолжает оставаться одной из наиболее актуальных проблем политологических исследований в нашей стране. Традиционно «силовики» представляются как теневые акторы политики¹, в то время как их потенциал в публичной сфере оценивается сравнительно невысоко. Вместе с тем армия, милиция и спецслужбы являются объективно встроенными в публичную политику, которую в рамках данной статьи мы будем определять как сферу борьбы за государственную власть и сопутствующие ей ресурсы, вольно или невольно открытую для неограниченного числа лиц и постоянно находящуюся в поле зрения СМИ и общества в целом².

Положение силовых ведомств в публичной политике современной России формируется несколькими основными компонентами: электоральным потенциалом, позиционированием в спектре

общественного мнения, представленностью в парламентских структурах и ролью в подавлении гражданских волнений.

Электоральный потенциал силовых структур в контексте публичной политики определяется общей численностью представителей сектора безопасности и степенью осознания ими своих интересов как социально-профессиональной группы, уровнем развития их корпоративной идентичности. При этом точно определить численность служащих силовых структур и работников военно-промышленного комплекса на текущий момент довольно сложно прежде всего в силу закрытости многих данных от широкой общественности. В таком случае ссылаться на официальные документы затруднительно, приходится обращаться к вторичным источникам.

В частности, А. Солдатов на 2003 г. оценивает общую численность личного состава силовых структур в 5 млн человек³. В то время как Г. Мирский за 7 лет до него определял общую численность только военного электората (включая военных пенсионеров, работников ВПК и членов их семей) в 5–8 млн⁴. Примерно в таких же цифрах можно оценить и электоральную численность представителей МВД РФ. Согласно данным «Российской газеты» на ноябрь 2006 г. численность МВД РФ составляет 821 268 человек (без внутренних войск), а численность внутренних войск – 200 000 человек, что в сумме 1 021 268 человек⁵. С учётом ведомственных пенсионеров и правоспособных в избирательном отношении членов семей численность «милицейского» электората может достигать 5 млн человек. В целом, по самым скромным подсчетам, вместе с семьями военные и отставники, работники «оборонки» и правоохранительных органов составляют 15–20 млн человек⁶.